

КОНСЕРВАТИЗМ НЕ МЕНЕЕ ПОЛЕЗЕН, ЧЕМ СКЛОННОСТЬ К РЕФОРМИРОВАНИЮ

За последнее десятилетие в российской судебной системе произошли серьезные изменения. Об их значении и целесообразности мы беседуем с председателем Арбитражного суда Иркутской области Виктором Юдиным, судьей с 20-летним стажем.

— Виктор Гаврилович, в прошлом году исполнилось 10 лет с момента создания в России арбитражных судов. Можно ли сказать, что на сегодня формирование этого института закончилось?

— Формирование любого института — непрерывный процесс. Например, сейчас в России уже начали создаваться апелляционные суды, которые до 2006 года должны появиться во всех регионах РФ. Возможно, это нововведение будет полезно для судебной системы и в целом для гражданского общества нашей страны. Однако большое количество реформ в судебной системе не всегда может быть оправданным. Не все нужно менять, тем более в законах. Очень часто консерватизм не менее полезное качество, чем склонность к реформированию. Консерватизм в судебной деятельности предполагает, прежде всего, стабильность принимаемых решений, единообразную практику разрешения применительно к арбитражному судопроизводству хозяйственных споров и, в конечном итоге, положительно влияет на стабильность гражданского оборота.

— Председателем Иркутского арбитражного суда Вы стали в 1995 году, когда все еще только начиналось. Сложно ли было нарабатывать новый опыт?

— Безусловно. Когда я был председателем районного суда, в моем подчинении было 13 судей, когда перешел в арбитражный — 60. Кроме того,

По сравнению с 1995 годом сегодня количество дел, рассматриваемых в Арбитражном суде Иркутской области, возросло в три раза, а нагрузка на судей увеличилась в восемь. На 180 сотрудников приходится 24 тысячи дел.

основная масса дел, которые мне приходилось рассматривать до этого, были уголовными. Конечно, они важны для людей, так как от любого уголовного дела зависит чья-то судьба.

Но позиция председателя арбитражного суда области по некоторым вопросам может повлиять на жизнь целого региона. К этому нужно было привыкнуть, осознать эту ответственность. Когда я давал согласие занять свою сегодняшнюю должность, даже не подозревал, насколько изменится и глобализируется мое мировоззрение.

— Расскажите, пожалуйста, о наиболее сложных делах, которые рассматривались в Арбитражном суде Иркутской области.

— Одно из последних сложных дел, прогремевшее по всей стране, — банкротство Коршуновского горно-обогатительного комбината. После того как предприятием заинтересовался новый собственник — компания «Мечел», кредиторами была предпринята попытка заключить мировое соглашение, в котором не предусматривалась выплата долга государству в размере 500 млн рублей. Естественно, Арбитражный суд Иркутской области не признал правомерность такого соглашения. Не утвердили мы и ходатайство ФССФ России о введении на предприятии конкурсного производства, так как к тому времени потенциальный покупатель ГОКа уже рассчитался почти со всеми кредиторами. При этом удалось достигнуть договоренности о выплате текущих и просроченных долгов

государству. Когда это требование было выполнено, мы утвердили мировое соглашение буквально в течение двух часов.

Дело о банкротстве Коршуновского комбината было сложным еще и потому, что на нас постоянно давили всевозможные структуры как регионального уровня, так и федерального. Но я считаю, что в результате нашему суду удалось принять правильное решение. Предприятие начало возрождаться, люди на нем работают. Есть также надежда, что собственник поднимет и социальную базу. А если бы было утверждено конкурсное производство, то Коршуновский ГОК, скорее всего, просто бы прекратил свою деятельность.

— Вы не раз выступали с критикой новой редакции Закона «О несостоятельности (банкротстве)», утверждая, что она не только не решит уже существующих проблем, но и создаст новые. Закон вступил в силу. Ваши опасения оправдались?

— Ничего, по сути, не изменилось. Опираясь на новый Закон, можно, как и прежде, заниматься переделом собственности. Единственное новшество — арбитражные управляющие из относительно независимых стали «харманскими».

Согласитесь, немногие из них сегодня смогут при назначении на процедуру самостоятельно заплатить взнос для вступления в СРО, взнос в компенсационный фонд и многомиллионную страховку. В результате за него будет платить кто-то другой: кредитор или третье лицо, заинтересованное в приобретении предприятия. В такой ситуации арбитражный управляющий будет работать не на восстановление платежеспособности вверенного ему объекта, стремясь погасить долги первой и второй очереди, а для того, чтобы отработать заплаченные за него деньги. В его решениях уже не будет объективности, а значит, основные задачи, которые ставили перед собой разработчики Закона — сделать процедуру банкротства максимально прозрачной и защитить права должников, не будут выполняться.

— Как при рассмотрении дел о банкротстве складываются взаимоотношения с налоговыми органами, ФССФ России, управлением юстиции?

— Что касается налоговых органов, то они практически не имеют отношения к нашей работе, так как согласно статье 49 Закона «О несостоятельности (банкротстве)» 2002 года мы их заменили в соответствующих делах, а интересы государства сейчас представляет ФССФ России. Кстати, это изменение практически на порядок сократило количество дел, поступающих в арбитражный суд. Возможно, это связано с тем, что в ФССФ России несостоятельными предприятиями занимается всего 18 человек, а в налоговой с ними работало более 2 тысяч инспекторов, которые почему-то считали введение процедуры банкротства наиболее эффективным методом выбивания денег из должника.

С регулирующим органом проблем нет никаких, возможно, потому что они пока еще мало участвовали в процессах банкротства. Все придет со временем. Хотя, на мой взгляд, Закон 2002 года, по которому мы сейчас учимся работать, далеко не последний. Еще будут серьезные изменения, и не исключено, что через пару лет появится очередной «новый» закон. 